
ПУБЛИЧНОЕ И ЧАСТНОЕ ПРАВО

УДК 321+340.5

О понимании центра и периферии применительно к политической и юридической централизации и децентрализации в обществе

С. А. Дробышевский, А. А. Габов

Сибирский федеральный университет,
Российская Федерация, 660075, Красноярск, ул. Маерчака, 6

Для цитирования: Дробышевский, Сергей А., Габов, Александр А. 2019. «О понимании центра и периферии применительно к политической и юридической централизации и децентрализации в обществе». *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право* 3: 408–427.
<https://doi.org/10.21638/spbu14.2019.301>

В статье общество понимается как вся жизнь людей в пространстве, в котором функционирует определенная суверенная власть, т. е. в социальном организме, в основном удовлетворяющем систему нужд находящихся в нем лиц. Например, обществом выступает совокупность процессов жизнедеятельности человеческих индивидуумов, пребывающих в пределах государственных границ современной Российской Федерации. Подобным образом политически организованным обществом в вождестве папуасов капауку на Новой Гвинее является совокупность процессов жизнедеятельности всех членов этого вождества в его территориальных пределах, охватывающих ряд деревень. Показано, что определить политическую и юридическую централизацию и децентрализацию в обществе невозможно, не дав применительно к ним определений центра и периферии, так как указанные процессы — это передача политических полномочий в центр из периферии и обратно. Данные полномочия входят в круг ведения или компетенцию государственного аппарата в государственно-организованном обществе либо в круг ведения или компетенцию системы органов управления догосударственным политически организованным обществом как целым. На базе анализа и критики имеющихся суждений по теме статьи сделан вывод, что применительно к процессам политической и юридической централизации и децентрализации в обществе центром выступает либо система органов управления этим обществом целиком, либо некоторые или даже один из этих органов. Периферией же является либо остальная часть органов управления обществом как целым, либо все это общество без указанной системы. Использование приведенных трактовок центра и периферии при политической

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2019

и юридической централизации и децентрализации в обществе — желательное условие достижения эффективности этих процессов, поскольку при других определениях центра и периферии верное понимание указанных процессов в обществе искажается. В такой ситуации эффективности управления в обществе добиться трудно.

Ключевые слова: политическая централизация, политическая децентрализация, юридическая централизация, юридическая децентрализация, органы управления, политически организованное общество.

1. Введение. О политической и юридической централизации и децентрализации в обществе написано немало научных работ (Покровский 2001, 39–40; Атабемян 1922; Агарков 1992, 28, 32–33, 37–38; Басова 2012, 10; Гришина 2013, 121; Ключков 2013, 204; Махина 2006, 21; Маштаков 2013, 134; Gregg 2003; Johnson, Koyama 2013, 959, 964–978; Lukic, Martic, Vlaovic 2014; Williams 1992, 125). Исследование этой проблематики долгое время признается актуальным в связи с очевидным обстоятельством: и в отечественном, и в зарубежных политически организованных обществах с давних пор ведутся и пока далеки от завершения поиски оптимального распределения между разными структурными элементами такого социального организма, во-первых, политических власти и функций и, во-вторых, соответствующих субъективных юридических прав и обязанностей для обеспечения эффективного управления (Ляпин 2015; Махина 2006, 23; Тихомиров 2017; Lukic, Martic, Vlaovic 2014; Williams 1992).

Процессы и результаты распределения политических власти и функций между структурными элементами общества понимаются как политическая централизация либо децентрализация (Басова 2012, 10–11; Ключков 2013, 204; Махина 2006; Савин 2007, 14–16; Трофимова 2011, 36–38; Gregg 2003). Процессы же и результаты распределения соответствующих субъективных юридических прав и обязанностей между структурными элементами общества трактуются как юридическая централизация либо децентрализация в рассматриваемом социальном организме (Покровский 2001, 39–40; Агарков 1992, 28, 32–33, 37–38; Гришина 2013, 121; Jonson, Koyama 2013, 959, 964–978, Williams 1992).

Например, юридическая централизация по конкретному вопросу налицо, когда в политически организованном обществе «центральное правительство вводит правовую стандартизацию» (Johnson, Koyama 2013, 964), т. е. устанавливает порядок принятия единых для всех регионов правил права; юридическая децентрализация, в свою очередь, осуществлена, если по какому-либо вопросу «каждое региональное или местное правительство устанавливает свои собственные правовые нормы» (Johnson, Koyama 2013, 964). В частности, исходя из отмеченного понимания юридической централизации и децентрализации, А. Вильямс, говоря о вступлении в действие в Новой Зеландии 15 мая 1991 г. статута о заключении трудовых договоров, сделавшего юридически недействительными ранее принятые в стране правовые нормы по указанному вопросу, заметил: «Это событие... может быть охарактеризовано только в качестве формального отказа от правовой централизации как первого принципа трудового права Новой Зеландии. Одним большим законодательным усилием оказались юридически аннулированными примирительные соглашения, решения арбитражей, исключительное право представительства, впервые данное профсоюзам в 1894 г. И работодатели, и работники могут сейчас

наслаждаться свободой ассоциации, выраженной либо в индивидуальных, либо в коллективных договорах о трудоустройстве, посредством двухсторонних переговоров и без необходимости вмешательства третьей стороны» (Williams 1992, 125).

Решение проблемы обеспечения эффективного управления в обществе посредством выбора верного соотношения политической и юридической централизации и децентрализации затруднено в силу того, что сами понятия политической, а также «юридической централизации и децентрализации являются расплывчатыми и неопределенными» (Агарков 1992, 38), и пока не удастся точно определить, что такое центр и периферия применительно к отмеченным процессам.

2. Основное исследование. Исторически «концепция “центр — периферия” зародилась в начале XX в. в составе системы геополитических концепций» (Руденко 2008, 11). Как заметила А. В. Руденко, «впервые на существование иерархии “центр — периферия” обратил внимание Ф. Ратцель, один из родоначальников геополитической мысли. В 1896 г. он сформулировал семь основных законов пространственного роста государства, в одном из которых было отмечено, что граница — это периферийный орган государства, в котором проявляются его рост, сила или слабость и все изменения в организме государства. Сильное государство — то, которое в состоянии поддерживать тесные связи между своими пограничными зонами и сердцевиной. Любая тенденция к ослаблению этого взаимодействия неизбежно ослабит государство и приведет к потере пограничной зоны, которая может провозгласить независимость от центра или присоединиться к соседнему государству» (Руденко 2008, 11; Ратцель 1903).

С тех пор категории центра и периферии нередко используются в экономических научных исследованиях. Так, «по мнению Валлерстейна, эволюция капитализма сопровождается постоянным смещением географических центров социально-экономического и политического развития. Центры формируют вокруг себя периферию, стягивают к себе основные торговые и финансовые потоки, образуя единое экономическое пространство, в котором между центром и периферией устанавливаются иерархические отношения господства и подчинения» (Кузнецов 1987, 97).

В теории и практике политической и юридической централизации и децентрализации в обществе также применяются понятия центра и периферии (Гончаров 2012, 63). Децентрализация рассматривается как «процесс распределения власти, передача функций от центра к периферии» (Глазунова, Забродина, Поршнева 1997, 455). Централизация аналогичным образом «предполагает наличие центра и периферии» (Семигин (ред.) 1999, 591). Причем присутствует разнообразие трактовок применительно и к первому, и ко второй.

Так, по мнению И. Напалковой и А. Чекушкина, «центр состоит из тех институтов (и ролей), которые осуществляют власть, будь то власть экономическая, правительственная, политическая, военная или культурная (в области религии, литературы, образования и т. д.); периферия состоит из таких слоев или секторов общества, которые воспринимают распоряжения и убеждения, вырабатываемые и назначаемые к распространению помимо них. Периферия... охватывает обширную сферу вокруг центра. Одни секторы общества более периферийны, другие менее» (Напалкова, Чекушкин 2012, 122).

Еще одна теоретическая позиция по рассматриваемому вопросу заключается в том, что «под понятием “центр” понимается место, где генерируются основные

движущие силы социального, экономического и политического развития, в то время как «периферия» служит средой для распространения этих движущих сил» (цит. по: Удалов 2012, 32–33; см. также: Грицай, Иоффе, Трейвиш 1991). При этом «центры — территориальная элита страны, резиденции ее политических, интеллектуальных и бизнес-элит» (Косолапов 1994, 29; цит. по: Удалов 2012, 35). Таким образом, «центр ассоциируется с местом, из которого осуществляется управление политическими процессами. Существует формальная управленческая структура: каждое государство имеет столицу, административные центры регионов и управляемую «провинцию», т. е. периферию» (цит. по: Удалов 2012, 37; см. также: Чернышов 1999). Иными словами, «центр системы «центр — периферия» является территориальным образованием — участком территории, выполняющим функции центра, в отличие от периферии — участка территории, выполняющего функции периферии» (Замятина 2000, 100; цит. по: Удалов 2012, 40).

В специальной литературе признается, что «изучение проблемы отношений между центром и периферией невозможно без четкого определения изучаемого предмета» (Марченко 1996, 48–49; цит. по: Удалов 2012, 40).

Как ясно из приведенных суждений, трактовки и центра, и периферии противоречивы. Поэтому необходимо установить, какое содержание следует вкладывать в понятия центра и периферии для обеспечения эффективности политической и юридической централизации и децентрализации в обществе.

Для понимания того, что должны представлять собой искомые два понятия центра и периферии, если ставится задача достижения эффективности, сначала нужно обратиться к понятию политически организованного общества. Ведь именно каждое такое «общество может быть представлено как центр и периферия» (Шилз 1972, 348–349). Другими словами, именно в обществе осуществляются политическая и юридическая централизация и децентрализация и присутствует реальность, именуемая центром и периферией.

В самом деле, в ходе рассматриваемых централизации и децентрализации политические власть и функции, субъективные юридические права и обязанности распределяются среди людей и их объединений, т. е. в обществе, а не между участками территории. Поэтому охарактеризованное представление ряда специалистов о центре и периферии как участках территории едва ли можно признать корректным.

Под политически организованным обществом, как заметил Д. Истон, имеется в виду точно определенная часть действительности. Оно представляет собой всю жизнь людей в пространстве, в котором функционирует определенная суверенная власть (Easton 1979, 38, 47, 53–54, 57, 66–67), т. е. в социальном организме, в основном удовлетворяющем систему нужд находящихся в нем людей.

Человечество всегда существует как совокупность политически организованных обществ. По крайней мере, эту точку зрения разделяют виднейшие американские политологи второй половины XX — начала XXI столетий, например Д. Истон и Г. Алмонд. По их мнению, общество выступает политически организованным благодаря тому, что в нем принимаются общеобязательные решения для членов этого социального организма (Easton 1966, 148; Almond 1960, 5–6, 17, 39, 47, 52). В частности, здесь создаются и действуют юридические нормы, т. е. функционирует право. Так обстояли дела не только во время возникновения государств, но и

в первобытную эпоху, когда в качестве политически организованных обществ выступали разнообразные человеческие коллективы, в том числе локальные группы кочующих охотников-собирателей, независимые деревни оседлых охотников-собирателей и примитивных земледельцев-скотоводов, а также вождества (Pospisil 1971, 65–72, 107–108).

Скажем, политически организованным обществом является вся жизнь совокупности человеческих индивидуумов в пределах государственных границ современных США, Российской Федерации или Франции (Easton 1979, 38, 47, 53–54, 57, 66–67). Подобным образом политически организованным обществом в вождестве папуасов капауку на Новой Гвинее выступает совокупность процессов жизнедеятельности членов этого вождества в его территориальных пределах, охватывающих ряд деревень (Pospisil 1971, 107–111, 120).

Когда политически организованное общество понимается неверно, то происходящие в нем процессы политической и юридической централизации и децентрализации, равно как и понимание центра и периферии, искажаются. Примером ошибочной трактовки общества могут служить следующие теоретические представления С. А. Маретиной: «Возникает вопрос: как следует квалифицировать (в терминологии управления) ситуацию, когда вождь и другие характерные черты и атрибуты вождеств присутствуют... в пределах одной деревенской общины или небольшой группы таких общин? Подобные случаи наблюдаются не так уж редко в различных районах земного шара, причем... в основном в среде изолированных этносов, где естественные условия существования служат препятствием для объединения сколько-нибудь обширных территорий под единой властью (островной мир, горы и пр.). К числу таких народов относятся... племена, населяющие горные районы Северо-Восточной части Индии. У этих народов племя существует лишь в одном из его аспектов — этническом, объединяющими признаками являются в первую очередь язык и самоназвание, а также осознание своего единства (самосознание) и оппозиции “мы” (свои) — “они” (чужие)... Социальная роль племени может быть понята лишь в том смысле, что в его пределах имеет место определенный тип социальной структуры. Нет ни племенной организации, ни общего управления, т. е. нет племени как социально-потестарного организма. Социальная организация горных народов включает сумму автономных децентрализованных общин, которые являются основными ячейками общества» (Маретина 1995, 82).

Нельзя согласиться с последней идеей из приведенной цитаты, а именно с тем, что в племени как обществе имеются автономные, т. е. независимые друг от друга, децентрализованные общины. В реальности каждая из последних является обществом, в котором осуществляются процессы политической и юридической централизации и децентрализации. Например, так обстоят дела «у коньяков» (Маретина 1995, 87), одной из анализируемых С. А. Маретиной этнических общностей. У коньяков «вся жизнь происходит в границах деревенской общины, возглавляемой вождем и существующей вполне автономно в пределах племени» (Маретина 1995, 87).

Иными словами, С. А. Маретина некорректно определила общество у горных народов северо-восточной части Индии. Общество здесь отнюдь не племя, где, как она верно заметила, «нет ни племенной организации, ни общего управления».

Подобного рода ошибку совершил и американский исследователь Э. А. Хобель. Под обществом у ифугао — этнической общности, населявшей северную часть

филиппинского острова Лусон в первобытные времена, — этот ученый понимал жизнь всей совокупности членов этого этноса, насчитывавшего приблизительно 70 тыс. чел. Однако в действительности в указанной этнической общности тогда существовали многочисленные общества гораздо меньшего размера. Э. А. Хобель писал: «Хотя ифугао этнически составляют племя, политически они не образуют его. Правительственно никакой человек не признается как вождь. Также нет племенного, районного или деревенского совета. Только семья обладает вполне оперившимся руководителем, и он, по мнению ифугао, является не вождем, а, вернее, “центром”. Хотя он руководит семьей в правовом и экономическом предпринимательстве, ее члены думают о нем больше как об объединяющем центре, чем как о начальнике, который в любом отношении господствует. Деревни в местности, где живут ифугао, имеют малое функциональное значение. Дома обычно разбросаны там и сям в котловинах долин. В некоторых местах дюжина или около этого домов может формировать группу, которая составляет деревню. Но деревня имеется только в широчайшем смысле политического или оборонительного соединения. Охотники за головами, стремящиеся убить членов одной семьи, обычно не атакуются неродственными членами деревни жертвы, если эти охотники не приходят из враждебного района. Экспедиции мщения организуются на базе родства и никогда не организуются на фундаменте деревни. Хотя... чувство деревни работает, чтобы смягчить жесткость санкций в спорах между членами одной деревни, деревня все же отнюдь не вступает в правовые действия как деревня. Группа родства ифугао выступает важной во всех отношениях, и все же она является очень простой в ее структуре. С точки зрения человека, эта группа включает родственников и отца, и матери до третьей степени родства по любой линии родства в восхождении и снижении. Более отдаленные родственные отношения признаются на индивидуальной основе, определяемой личными репутацией, влиянием и взаимными услугами. Линиджи и кланы не существуют» (Hoebel 1954, 101–102).

Такая «двусторонняя родственная группа является главным социальным и правовым соединением, состоящим из мертвых, живущих и еще не рожденных... Родственная группа является ответственной за акты ее отдельных членов... Родственная группа непременно обеспечивает защиту для своих членов, наказывает внешнюю агрессию против них... непременно управляет всеми основными средствами производства... Индивидуальное обладание рисовыми землями, ритуальными семейными вещами ограничивается опекающим управлением от имени родственной группы» (Hoebel 1954, 104).

Описанные коллективы родственников могут жить в мире, а могут и воевать друг с другом. В случаях споров между ними и причинения одной группой вреда другой эти родственные объединения обычно прибегают к посредничеству человека, к ним не принадлежащего. Он именуется монкалуном. Если посредничество не удается, происходят военные действия (Hoebel 1954, 102–126).

При таком фактическом положении дел Э. А. Хобель ошибочно именовал жизнь всех ифугао обществом. В частности, он заметил: «Гораздо более поразительной, чем простая семейная система ифугао... является классовая система этого общества» (Hoebel 1954, 102), включающая три класса выделенных родственных групп: самые богатые, с умеренным достатком и бедные (Hoebel 1954, 102–103). Указанное представление Э. А. Хобеля об обществе ифугао сформулировано и в следующем

его суждении: «В суммировании и взвешивании правовых институтов ифугао мы находим, что их самый значительный аспект состоит... в их использовании... монкалуна. Он представляет судебный процесс в одной из его зарождающихся форм. Здесь во вмешательстве должностного лица (или полудолжностного лица), представляющего общество целиком, в перебранки и затруднения его подгрупп мы видим интерес общества, прилагающего усилие к выражению. Так называемая самопомощь ограничивается и направляется к “правильному” решению вмешательством общества» (Hoebel 1954, 125).

При верном понимании политически организованного общества как всей жизни людей там, где функционирует определенная суверенная власть, его центром применительно к процессам политической и юридической централизации и децентрализации во всяком случае выступает сфера, куда передаются политические властные полномочия при централизации и откуда они забираются при децентрализации. Периферией же неизменно оказывается иная сфера. Сюда передаются политические властные полномочия при децентрализации и отсюда они забираются при централизации.

Сами феномены политической и юридической централизации и децентрализации в обществе можно определить при использовании понятий центра и периферии. Указанная централизация есть передача политических властных полномочий от периферии центру общества и результат этого процесса. Отмеченная децентрализация есть противоположный процесс передачи политических властных полномочий от центра периферии общества и его результат. Рассматриваемые полномочия неизменно входят в круг ведения или компетенцию государственного аппарата в государственно организованном обществе либо в круг ведения или компетенцию системы органов управления догосударственным политически организованным обществом как целым.

В пределах общества в приведенном верном его понимании и при наличии, и при отсутствии государства присутствуют разнообразные социальные организации. В них также подчас имеют место процессы централизации и децентрализации. Но в каждой из таких организаций центр и периферия применительно к происходящим здесь процессам централизации и децентрализации — не центр и периферия общества, в котором присутствует рассматриваемая организация, а другие феномены. Более того, передаваемые в этой организации из центра периферии и обратно полномочия могут не выступать субъективными юридическими правами и обязанностями.

Приведенные определения центра и периферии общества являются очевидными. В дальнейшем исследовании они будут использоваться в качестве критерия для оценки различных трактовок центра и периферии общества учеными при происходящих в последнем политической и юридической централизации и децентрализации. При противоречащих упомянутому критерию трактовках центра и периферии общества само отмеченное понимание политической и юридической централизации и децентрализации в нем, которое верно отражает реальность, искажается. В такой ситуации эффективности политической и юридической централизации и децентрализации добиться трудно.

Обратимся к практическим примерам процессов политической и юридической централизации и децентрализации в обществе. В ходе рассмотрения попыта-

емся установить применяемые определения центра и периферии для конкретизации уже сформулированных дефиниций и центра, и периферии.

С. Пушкарев подметил такой факт в России XIX в.: «Положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» от 19 февраля 1861 г. предоставило сельскому сходу (т. е. крестьянскому миру) весьма широкие полномочия: выборы сельского старосты и других сельских должностных лиц; увольнение из общества и принятие новых членов; удаление из общества вредных и порочных членов (что влекло для них ссылку в Сибирь на поселение); разрешение семейных разделов; распоряжение мирской полевой землей и общинными мирскими угодьями; раскладка податей и повинностей между членами общества и меры по взысканию недоимок; дела по отбыванию рекрутской повинности; назначение сборов на мирские расходы; выдача ссуд и пособий нуждающимся; назначение опекунов к малолетним; подача жалоб и прошений по делам общества и ходатайства об общественных нуждах» (Пушкарев 1985, 54).

Из приведенной цитаты ясно, что в ходе политической и юридической децентрализации в обществе российская система государственных органов передала часть своих полномочий структуре, которая к государственному аппарату не относится. По крайней мере, речь идет о раскладке податей и повинностей между членами общества, мерах по взысканию недоимок, а также о делах по отбыванию рекрутской повинности. При понимании под центром того участка социальной жизни, откуда передаются полномочия при политической и юридической децентрализации в обществе, а под периферией — другого участка социальной жизни, куда они передаются, вывод из данных, приведенных С. Пушкаревым, очевиден: центром применительно к процессам политической и юридической децентрализации в обществе выступает система органов управления политически организованным обществом как целым. Периферией же, которая представляет собой «подчиненное центру политическое пространство» (Аверьянов (ред.) 1993, 391–392), оказывается указанный социальный организм без этой системы.

Такое же понимание центра и периферии применительно к процессам политической и юридической децентрализации в обществе присутствует и в некоторых иных российских правовых нормативных актах. Это ясно из следующих материалов, относящихся к российской истории XVIII в.

В книге «Законодательство периода расцвета абсолютизма» из многотомника «Российское законодательство X–XX вв.» под ред. О. И. Чистякова помещен императорский Указ от 13.12.1760 «О приеме в Сибирь на поселение от помещиков, дворцовых, синодальных, архиерейских, монастырских, купеческих и государственных крестьян, с зачетом их за рекрут». В этом правовом нормативном акте, в частности, установлено следующее правило: «Кто из помещиков пожелает своих людей и крестьян, также женск пол, которых вместо должных по своим званиям услуг, воровством, пьянством, и прочими непристойными предерзостными поступками, многия вред, разорения, убытки и беспокойства приключают, и другим, подобным себе, наивящие к таким же вредным поступкам примеры подают, таковых за оныя непотребства, однако же годных к крестьянской и другой работе, летами не старше 45 лет, отдавать к объявленному поселению, коих для упомянутого отправления в Сибирь принимать по заручным доношениям, от самих помещиков» (Чистякова (ред.) 1987, 496). Эта норма свидетельствует о том, что «Указ 1760 г. носит свое-

образный уголовно-правовой характер. В порядке вотчинной юстиции помещик сам определяет состав преступления своего крепостного, санкцией за которое является ссылка в Сибирь. Таким образом, гипотеза и диспозиция правовой нормы здесь весьма неопределенны, а санкция предельно определена — пожизненная ссылка» (Чистякова (ред.) 1987, 498).

Другой пример из этого издания касается императорского Указа от 08.01.1765. В нем сформулировано правило следующего содержания: «Буде кто из помещиков людей своих по предерзостному состоянию заслуживающих справедливое наказание, отдавать пожелает для лучшего воздержания в каторжную работу, таковых Адмиралтейской коллегией принимать, и употреблять в тяжкую работу на... время, на сколько помещики их похотят... когда ж помещики их пожелают обратно взять, то отдавать им безпрекословно» (Чистякова (ред.) 1987, 502). В комментарии указано: «Принципиальная новизна указа... состояла прежде всего в том, что отныне право ссылки крестьян на каторгу получили и непосредственно заинтересованные лица — сами помещики, которые не были связаны нормами материального и процессуального права и действовали исключительно по своему усмотрению. Государственная власть выступала при этом в роли помогающей стороны — она безоговорочно принимала ссылаемых помещиками на каторгу крестьян и дворовых, брала их на свое содержание, а затем столь же безоговорочно возвращала назад по первому требованию владельцев» (Чистякова (ред.) 1987, 503). При оценке обсуждаемого правового нормативного акта также отмечено: «Предоставление помещикам... права ссылать своих людей на каторгу на любой установленный ими срок и беспрепятственно возвращать их в любое время назад по своему усмотрению — мера, по сути дела, беспрецедентная и чрезвычайная. В этом новом правомочии — еще одно проявление исключительности и вместе с тем крайнего произвола карательной власти крепостников, дарованной им в “золотой век” российского дворянства» (Чистякова (ред.) 1987, 504).

Когда центром политически организованного общества выступает совокупность органов управления им как целым, конкретные проявления децентрализации не исчерпываются приведенными. Например, лицам за пределами отмеченных органов в некоторых догосударственных политически организованных обществах и государствах предоставляется возможность возбуждать юридические дела в ситуациях правонарушений в зависимости от своего желания (дела частного обвинения).

В последнем случае речь идет о соотношении так называемых публичного и частного права. Это соотношение присутствует в любом обществе. В нем до и после наступления цивилизации частное право и публичное право выступают как системы юридической децентрализации и централизации.

Согласно воззрениям Г. Кельзена, сущность частного права заключается в следующем: «Правовой порядок дарует специфическую правовую власть индивиду, к которому другой индивид является обязанным, вести себя определенным образом, — а именно начать процедуру, ведущую к судебному решению, в котором конкретная санкция выступает как реакция против нарушения обязанности» (Kelsen 1970, 136–137, 145).

В условиях отсутствия цивилизации частное право в этом понимании, например, функционировало в не знавшем письменности политически организованном

обществе ашанти в Западной Африке. Этот социальный организм существовал на территории современной Ганы до 1873 г. (Hoebel 1954, 211). В частности, в заключаемых между отдельными людьми договорах «займа, в которых не было залога и отсутствовал поручитель» (Hoebel 1954, 231), в случае неисполнения должником его обязательства кредитор имел следующий путь возвращения своих средств. Займодавец «бежал» к работавшему в системе королевского управления местному вождю как к должностному лицу «с просьбой о вмешательстве. Вождь за вознаграждение и в качестве публичной службы посылал своего казначея как взимателя. Отказ заплатить королевскому казначею влек за собой из его уст ужасную клятву запрещенным именем племенного бога, что должник “ненавидит короля”. Для ашанти приведенные слова означали заявление, что у должника имелось намерение убить короля. Это было обвинение в измене, наказанием за которую являлась смерть. Чтобы доказать свою невиновность в ужасном обвинении, непокорный должник выплачивал сполна немедленно — или лишался своей головы на плахе. Таким образом малейший случай задолженности у ашанти мог стать преступлением, наказываемым смертной казнью» (Hoebel 1954, 231), при обращении кредитора к частноправовой процедуре.

Что же касается публичного права, то оно и до, и после наступления цивилизации определяется следующим образом: это общеобязательные для политически организованного общества нормы, при нарушении которых полномочия принудительного проведения их в жизнь, преследования и наказания нарушителей принадлежат не потерпевшим от деликтов, а органам управления обществом как целостностью, специально созданным для реагирования в подобных случаях (Kelsen 1970, 117). У упомянутых ашанти таких правил права было немало. К ним, в частности, относятся нормы, запрещающие убийство, самоубийство, проклинание вождей и короля, трусость в бою, колдовство, изнасилование (Hoebel 1954, 234–240).

Если происходило самоубийство, то «труп приносился в суд, даже если тело должно было быть выкопано из могилы, если родственники постарались скрыть это преступление путем погребения тела. Судопроизводство, как обычно, шло под руководством Говорящего Вождя. Королю он говорил: “Это есть ваш раб. Никто не знает, что он сделал, и сегодня он повесился”. Затем он обращался к трупу: “Никто не знает то, что пришло в вашу голову, но, так как вы не принесли ваше дело сюда, чтобы мы могли иметь возможность слушать его, а взяли дубинку и ударили ей Говорящего Вождя — и, когда вы убивали нас (таким образом), вы рассматривали нас как неразумных животных — поэтому вы являетесь виновными”. После трупу отрубали голову... Вся его частная собственность конфисковывалась, и его наследники лишались прав на это имущество» (Hoebel 1954, 237).

Ашанти полагали, что отмеченные запрещенные деяния, оскорбительные для духов предков, подрывают благополучие всего их политически организованного общества. Если бы они не наказывались королевской властью от имени этого социального организма, то предки наказали бы всех ашанти за игнорирование «естественного права, установленного сверхъестественными духами умерших» (Hoebel 1954, 232).

Еще одно проявление политической и юридической децентрализации, когда центром выступают все органы управления политически организованным обществом как целым, состоит в том, что в демократических государствах отдельные

граждане как избиратели участвуют в выборах государственных органов. Как верно заметил Г. Еллинек, в этом случае граждане сами выполняют переданные им функции государственных органов (Еллинек 1908, 527).

Указанное понимание центра и периферии встречается и еще в одном случае. Так, в соответствии с Федеральным законом от 05.12.2005 № 154-ФЗ «О государственной службе российского казачества»¹, казачье общество, представляющее собой «форму самоорганизации граждан РФ», принимает «на себя обязательства по несению... государственной службы». Однако, как известно, казачье общество не является государственным органом.

В специальной литературе имеются данные о том, что приведенное понимание центра и периферии присутствует и при политической и юридической централизации в обществе. Так, названные полномочия государства относительно крестьян, переданные помещикам, были отменены в соответствии с п. 25 Высочайше утвержденного Общего Положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, от 19.02.1861: «Крестьяне не могут быть подвергаемы никакому наказанию иначе как по судебному приговору, или по законному распоряжению поставленных над ними правительственных и общественных властей»². Это означает, что государственные органы снова стали осуществлять ранее отданные ими помещикам функции по уголовному преследованию крестьян, совершивших преступления.

Однако практика политической и юридической централизации и децентрализации в обществе обнаруживает, что в этих процессах присутствует и другое понимание центра и периферии. Скажем, во Франции начала XIX в. Наполеон Бонапарт как верховный правитель сосредоточил в своих руках часть полномочий по управлению государством, ранее принадлежавших другим высшим государственным органам (Токвиль 1992, 486). «Государственный переворот, совершенный 9 ноября 1799 г. группой заговорщиков, объединившихся вокруг генерала Н. Бонапарта, привел к упразднению Директории и устранению других конституционных органов. 10 ноября под давлением Бонапарта депутаты Законодательного корпуса приняли Декрет о ликвидации Директории и временной передаче исполнительной власти коллегии из трех консулов — генералу Бонапарту и двум бывшим членам Директории, участвовавшим в заговоре, — Сиейесу и П. Р. Роже-Дюко. Фактически же контроль за политическими событиями в стране все более оказывался в руках генерала Бонапарта» (История государства 2007, 190). Затем «в 1802 г. в результате плебисцита во Франции была введена новая Конституция — Органический сенатус-консульт, согласно которому Бонапарт объявлялся пожизненным консулом» (Крашенинникова, Жидкова (ред.) 2007, 194). По этому документу других консулов не было. Наконец, «в соответствии с Органическим сенатус-консультом 1804 г. ему был присвоен титул императора Наполеона I» (Крашенинникова, Жидкова (ред.) 2007, 195).

Подобного рода политическая и юридическая централизация в обществе имела место и в Англии в середине XVII в., и в Германии в 1930-х гг.

¹ КонсультантПлюс. Дата обращения 1 сентября, 2018. <http://www.consultant.ru>.

² Высочайше утвержденное Общее Положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, от 19.02.1861. Московский государственный университет. Дата обращения 1 сентября, 2018. <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/krest.htm>.

Так, в Англии «в конце 1653 г. Совет офицеров подготовил проект акта о новой временной форме правления, названного “Орудие управления”. Согласно ст. 1 акта, верховная законодательная власть в Англии, Шотландии и Ирландии сосредоточивалась в лице лорда-протектора и народа, представленного в едином общебританском парламенте» (Крашенинникова, Жидкова (ред.) 2007, 25). Этот акт вскоре обрел юридическую силу и дал О. Кромвелю как лорду-протектору немалую сумму государственных властных полномочий. Однако затем эта сумма увеличилась. В частности, «после наделения лорда-протектора правом назначения преемника в 1657 г. была восстановлена двухпалатная структура парламента, причем члены так называемой Другой палаты назначались лордом-протектором» (Крашенинникова, Жидкова (ред.) 2007, 27).

В Германии с 1934 г. резко выросли полномочия высшего государственного органа: «После смерти президента Гинденбурга 2 августа 1934 г. Законом “О верховном главе государства и Рейха” должность президента была упразднена, а вся власть сконцентрирована в руках Гитлера — “вождя” и пожизненного рейхсканцлера, которому было предоставлено право не только назначать членов имперского правительства, всех высших должностных лиц империи, но и своего преемника» (Крашенинникова, Жидкова (ред.) 2007, 292).

В рамках системы органов управления политически организованным обществом в целом протекают и процессы политической и юридической децентрализации. Так, «Законом “О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством”, принятым Верховным Советом СССР 10 мая 1957 г., устанавливался территориальный принцип управления промышленностью и строительством на основе экономических административных районов. В соответствии с Законом, в мае — декабре было ликвидировано 14 общесоюзных и 5 союзно-республиканских министерств. Всего же по стране было упразднено 141 общесоюзное, союзно-республиканское и республиканское министерство. Союзными республиками было образовано 105 экономических административных районов. Управление экономикой и строительством в каждом таком районе осуществлялось советами народного хозяйства — совнархозами, образуемыми Советами Министров союзных республик в составе Председателя, заместителей и членов совнархоза. Совнархоз экономического административного района в своей деятельности подчинялся непосредственно Совету Министров союзной республики, а также республиканскому Совету народного хозяйства, там, где они были созданы. В непосредственное подчинение совнархозов были переданы предприятия и организации министерств авиационной, оборонной, радиотехнической, судостроительной, химической и других отраслей промышленности» (Сырых 2000, 340–341).

В приведенных примерах процессы, относящиеся к политической и юридической централизации и децентрализации в обществе, подразумевают понимание под обсуждаемым центром части органов управления политически организованным обществом как целым. Эту часть может составлять и один такой орган. При централизации управленческие полномочия передаются в центр от не входящих в него органов управления политически организованным обществом как целым. При децентрализации происходит противоположный процесс. Периферией выступает часть органов управления политически организованным обществом как целым, не входящая в центр.

Таким образом, реалии политической и юридической централизации и децентрализации в обществе свидетельствуют о распадении этих процессов на два блока. Каждый из них характеризуется собственным пониманием центра и периферии, необходимым для обеспечения политического управления посредством правового регулирования. Причем при политической и юридической централизации и децентрализации в рамках системы органов управления политически организованным обществом целиком имеет место политическая и юридическая централизация и децентрализация в обществе. Ведь указанная система есть руководящая структура всего общества, а не его части.

Разумеется, выявленные специфические трактовки центра и периферии, необходимые для осуществления политической и юридической централизации и децентрализации в обществе, должны полностью учитываться на практике. Таково желательное условие достижения эффективности упомянутых процессов. Однако для его реализации нужно, чтобы указанная специфика верно отражалась в теоретических представлениях о политической и юридической централизации и децентрализации в обществе. Вот почему следует выявлять и критиковать соответствующие теоретические ошибки.

Если говорить об ошибках, то нужно упомянуть одно из определений центра применительно к процессам политической и юридической централизации и децентрализации в обществе, сформулированное Р. Ф. Туровским. Согласно его взглядам, «следует провести различие понятий “центр” и “государство”, которые близки, но не идентичны. Государство мы рассматриваем в качестве единой территориально-политической системы, которая по вертикали делится на уровни. Понятие “центр” включает два взаимосвязанных аспекта.

- Общациональный управленческий центр, синоним столицы. Он представляет собой средоточие общациональных управленческих функций, географически обычно сконцентрированных в одном регионе — столичном, который, таким образом, оказывается выше в иерархии по сравнению со всеми остальными. Центральная власть призвана реализовывать общациональные политические интересы.
- Синоним национальной территориально-политической системы (государства) в ее отношении к регионам. При таком использовании этого понятия оно позволяет рассматривать иерархические отношения между целым (государство) и частью (регион)» (Туровский 2007, 85–86).

Кроме того, Р. Ф. Туровский заметил, что «центр представляет собой подсистему общегосударственного контроля и управления. У этой подсистемы есть свои ролевые функции — целостность территории государства, обеспечение единой общегосударственной политики. Она стремится создать управленческую вертикаль, пронизывающую все управленческие уровни и обеспечивающую их субординацию. При этом “жесткость” вертикали может различаться самым принципиальным образом в разных странах» (Туровский 2007, 92–93).

Р. Ф. Туровский игнорирует значительную часть процессов политической и юридической централизации и децентрализации. Имеются в виду отношения между всей системой органов управления политически организованным обществом как целым и не входящими в нее отдельными организациями и индивидами

в пределах того, что Р. Ф. Туровский понимает под регионом. По его представлениям, регион — это есть вся жизнь людей на определенной части территории политически организованного общества (Туровский 2007, 92–93).

Приведенные суждения Р. Ф. Туровского посвящены другой части процессов политической и юридической централизации и децентрализации. Подразумеваются отношения между различными подсистемами в рамках системы органов управления политически организованным обществом как целым. Однако к этим процессам определение центра, сформулированное Р. Ф. Туровским, неприменимо. «Столица» не может быть центром.

Р. Ф. Туровский заметил, что речь должна идти об «общенациональном управленческом центре». Но последним является не столица, а система органов управления политически организованным обществом как целым. Такие органы находятся не только в столице, но и в других местах на территории политически организованного общества. Скажем, так обстоят дела в современной России. Между прочим, и здесь не все высшие государственные органы находятся в столице (например, Конституционный суд РФ).

Отмеченное Р. Ф. Туровским второе понимание центра как «синонима национальной территориально-политической системы (государства) в ее отношении к регионам» недостаточно конкретно. Его можно конкретизировать как верно, так и неверно. Неверная конкретизация уже осуществлена Р. Ф. Туровским — имеется в виду «столица». О верном же понимании он не писал.

В данном вопросе с Р. Ф. Туровским соглашается М. М. Гордеева (Гордеева 2008, 13). Следовательно, и ей нужно адресовать приведенную критику такой трактовки.

О центре применительно к процессам политической и юридической централизации и децентрализации в обществе писали также В. Н. Лексин и А. Н. Швецов. С их точки зрения, в современном Российском государстве «“центр” прежде всего представляет сама Российская Федерация как совокупность ее субъектов» (Лексин, Швецов 2000, 46).

Едва ли с таким пониманием центра можно согласиться. Понятие центра возникает для того, чтобы выделить в пределах всего политически организованного общества те структуры, которые принимают на себя дополнительные политические властные полномочия при централизации и отдают такие полномочия при децентрализации. При этом рассматриваемые полномочия должны входить в круг ведения или компетенцию аппарата управления всем политически организованным обществом. Отсюда ясен вывод: центром никак не может быть все политически организованное общество, т. е. применительно к России — «сама Российская Федерация как совокупность ее субъектов» (Лексин, Швецов 2000, 46).

В этом государстве «еще одним “центром” является Президент РФ... Наконец, “центр” — это и Правительство РФ, и его министерства» (Лексин, Швецов 2000, 46). Выделенным В. Н. Лексиним и А. Н. Швецовым структурам в Российском государстве действительно передаются политические властные полномочия при централизации, и они отдают указанные полномочия при децентрализации, причем эти полномочия входят в круг ведения или компетенцию государственного аппарата. Однако в Российской Федерации существуют и другие государственные органы, применительно к которым это справедливо.

В. Н. Лексин и А. Н. Швецов верно заметили: ошибочно отождествлять центр Российского государства «с “Москвой” или с конкретной группой федеральных чиновников» (Лексин, Швецов 2000, 46). В самом деле, при политической и юридической централизации и децентрализации в обществе политические властные полномочия передаются не в Москву или из Москвы и не в руки конкретной группы чиновников или из этих рук. Они передаются определенным государственным органам, которые могут располагаться в Москве и где может работать конкретная группа чиновников; также эти полномочия могут передаваться лицам и организациям за пределами государственного аппарата.

В специальной литературе отмечено, что применительно к процессам политической и юридической централизации и децентрализации в обществе «центр — это наименование доминирующего в политическом пространстве страны... сосредоточения власти и ее атрибутов — силы, господства, влияния, авторитета, ее функций — формирования политики, осуществления управления, контроля и т. п.» (Аверьянов (ред.) 1993, 391–392). Если речь идет только о политической власти, то приведенное суждение, безусловно, содержит верные моменты. Однако из него невозможно узнать, что именно выступает центром в отношении указанных процессов. Вот почему это суждение не является корректным ответом на вопрос о том, что представляет собой центр применительно к процессам политической и юридической централизации и децентрализации в политически организованном обществе.

3. Выводы. Говоря об изложенных выше представлениях ряда специалистов о центре и периферии как частей общества, с одной стороны, и как участках территории общества — с другой, нужно заметить, что второе из них неудовлетворительно. В самом деле, в ходе рассматриваемых централизации и децентрализации политические власть и функции, субъективные юридические права и обязанности распределяются среди людей и их объединений, т. е. в обществе, а не между участками территории. Первое же представление недостаточно конкретно по сравнению с понятиями центра и периферии, предложенными в результате проведенного нами исследования.

Центром процессов политической и юридической централизации и децентрализации в обществе выступает либо система органов управления обществом целиком, либо некоторые или даже один из этих органов. Периферией же является либо остальная часть органов управления обществом как целым, либо все общество без указанной системы.

Данные определения центра и периферии выведены из реальной практики политической и юридической централизации и децентрализации в обществах прошлого и современности. Совершенствованию отмеченной практики сформулированные дефиниции центра и периферии эффективно служили, служат и могут служить в дальнейшем.

Подвергнутые же нами критике определения центра и периферии хотя бы отчасти несовместимы с этой практикой и затрудняют обеспечение ее эффективности. Поэтому такие дефиниции едва ли следует использовать в идущей и грядущей работе по политической и юридической централизации и децентрализации.

Библиография

- Аверьянов, Ю. И. (ред.). 1993. *Политология: энциклопедический словарь*. М.: Изд-во Моск. коммерч. ун-та.
- Агарков, Михаил М. 1992. «Ценность частного права». *Правоведение* 1: 25–41.
- Атабекян, Александр М. 2022. *Децентрализация права*. Дата обращения 7 сентября, 2018. <https://ru.theanarchistlibrary.org/library/atabekyan-aleksandr-moiseevich-decentralizaciya-prava>.
- Басова, Татьяна Б. 2012. «Преступность и личность преступника в условиях глобализации и универсализации права». *Криминологический журнал* 4: 6–12.
- Глазунова, Наталья И., Юлия М. Забродина, Александра Г. Поршнева. 1997. *Государственное и муниципальное управление: справочник*. М.: Магистр.
- Гончаров, Дмитрий В. 2012. «Структура территориальной политики в России». *Полис. Политические исследования* 3: 63–74.
- Гордеева, Милена. 2008. *Столица федеративного государства в системе взаимоотношений «центр — регионы»: политологический анализ зарубежного и российского опыта*. Дис. ... канд. полит. наук. Московский государственный университет.
- Грицай, Ольга В., Григорий А. Иоффе, Андрей И. Трейвиш. 1991. *Центр и периферия в региональном развитии*. М.: Наука.
- Гришина, Яна С. 2013. «Правовая модель отношений по удовлетворению социально-имущественных потребностей как система взаимодействия средств частного и публичного правового обеспечения». *Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки* 155 (4): 120–126.
- Еллинек, Георг. 1908. *Общее учение о государстве*. СПб.: Н. К. Мартынов.
- Замятина, Надежда Ю. 2000. Соотношение понятий «центр» и «регион» в ментально-географическом пространстве: постановка проблемы. *Российские регионы и центр: взаимодействие в экономическом пространстве: сборник научных трудов*. М.: ИГ РАН.
- Крашенинникова, Нина А., Олег А. Жидков (ред.). 2007. *История государства и права зарубежных стран*. Т. 2. М.: Норма.
- Клочков, Виктор В. 2013. «Королевская прерогатива в Англии от ее зарождения до начала XVII в.». *Известия ЮФУ. Технические науки. Раздел III. Юридические технологии* 6 (143): 201–207.
- Косолапов, Николай А. 1994. *Политико-психологический анализ социально-территориальных систем. Основные теории и методологии (на примере России)*. М.: АО Аспект Пресс.
- Кузнецов, Виктор. 1987. «Великая мутация» и Западная Европа. Мировая экономика и международные отношения». *ЦК КПСС Правда* 1: 97–101.
- Лексин, Владимир Н., Александр Н. Швецов. 2000. *Государство и регионы. Теория и практика государственного регулирования территориального развития*. М.: УРСС.
- Ляпин, Игорь Ф. 2015. «Конституционные особенности децентрализации государственной власти в Российской Федерации». *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Право* 1: 152–155.
- Маретина, Светлана А. 1995. «К проблеме универсальности вожеств: о природе вождей у нага (Индия)». *Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности*, под ред. В. А. Попова, 79–103. М.: Восточная литература.
- Марченко, Георгий В. 1996. *Региональные проблемы становления новой российской государственности*. М.: Рос. науч. фонд.
- Махина, Светлана Н. 2006. «Сущность и системные характеристики политико-правовой категории “децентрализация” в современном демократическом государстве». *Государство и право* 7: 21–30.
- Маштаков, Константин М. 2013. «О тенденции развития использования договорных (частноправовых) конструкций в налоговом (публичном) праве». *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России* 21: 134–136.
- Напалкова, Ирина, Александр Чекушкин. 2012. «Стратегии и проекты модернизации государственного управления “национальной периферией” в имперской России». *Федерализм* 2: 118–125.
- Покровский, Иосиф А. 2001. *Основные проблемы гражданского права*. М.: Статут.
- Пушкарев, Сергей. 1985. *Самоуправление и свобода в России*. Frankfurt-on-Main: Посев.
- Ратцель, Фридрих. 1903. «Законы пространственного роста государств». *Народоведение*. Т. 1, пер. с нем. Д. А. Коропчевского. М.

- Руденко, Арина. 2008. Система «центр — периферия» региона (на примере Республики Татарстан). Дис. ... канд. географ. наук. Казанский государственный университет.
- Савин, Владимир И. 2007. Децентрализация и новая централизация российского федерализма конца XX — начала XXI в. (конституционно-правовой опыт развития). М.: РУДН.
- Семигин, Г. Ю. (ред.). 1999. Политическая энциклопедия: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль.
- Сырых, Владимир М. 2000. История государства и права России. Советский и современный периоды. М.: Юристъ.
- Тихомиров, Юрий А. 2017. «Государственно-правовое регулирование: основания и пределы». Журнал российского права 9: 5–16.
- Токвиль, Алексис. 1992. Демократия в Америке. М.: Прогресс.
- Трофимова, Ирина Н. 2011. «Децентрализация государственного управления и особенности центр-локальных отношений в европейских странах». Сравнительная политика 4: 35–44.
- Туровский, Руслан Ф. 2007. Центр и регионы: проблемы политических отношений. М.: Изд. Дом ГУ ВШЭ.
- Удалов, Владимир. 2012. Центр-периферийное взаимодействие в процессе модернизации российского государственного строительства. Дис. ... канд. полит. наук. Нижегородский государственный университет.
- Чернышов, Алексей Г. 1999. Регион как субъект политики. Саратов.
- Чистяков, О. И. (ред.). 1987. Российское законодательство X–XX веков. Т. 5: Законодательство периода расцвета абсолютизма, ред. Е. И. Индова. М.: Юридическая литература.
- Шилз, Эдвард. 1972. «Общество и общества: макросоциологический подход». Американская социология. Перспективы, проблемы, методы, ред. Г. В. Осипов, 341–359. М.: Прогресс.
- Almond, Gabriel. 1960. "Introduction: a Functional Approach to Comparative Politics". *The Politics of the Developing Areas*, Ed. by G. A. Almond, J. S. Coleman. Princeton, New York: Princeton U. P.
- Easton, David. 1979. *A Framework for Political Analysis*. Chicago: The University of Chicago Press.
- Easton, David. 1966. "Categories for the Systems Analysis of Politics". *Varieties of Political Theory*, Ed. by D. Easton. Englewood Cliffs, N. J.: Prentice-Hall.
- Gregg, Benjamin. 2003. "The Law and Courts of Enlightened Localism". *Polity* 35 (2): 283–309.
- Hoebel, Adamson E. 1954. *The Law of Primitive Man. A Study in Comparative Legal Dynamics*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Johnson, Noel D., Mark Koyama. 2013. "Legal Centralization and the Birth of the Secular State". *Journal of Comparative Economics* 41: 959–978.
- Kelsen, Hans. 1970. *The Pure Theory of Law*. Berkeley, Los Angeles etc.: University of California Press.
- Lukic, Ivan, Branka Martic, Davor Vlaovic. 2014. "Role and Responsibilities of Local Management for Governing and Disposal of Funds for Financing of Decentralized Functions". *Interdisciplinary Management Research* X: 531–543.
- Pospisil, Leopold J. 1971. *Anthropology of Law. A Comparative Theory*. New York: Harper and Row.
- Williams, Alan. 1992. "Contracts, Compacts and Common Law: Some Problems with New Right Theories of Human Resource Management". *The International Journal of Human Resource Management* 3 (1): 125–137.

Статья поступила в редакцию 4 октября 2018 г.;
рекомендована в печать 17 мая 2019 г.

Контактная информация:

Дробышевский Сергей Александрович — д-р юрид. наук, проф.; ktigp@yandex.ru
Габов Александр Алексеевич — старший преподаватель; agabov@sfu-kras.ru

On the meaning of centre and periphery in political and legal centralization and decentralization in society

S. A. Drobishevskiy, A. A. Gabov

Siberian Federal University,
6, ul. Mayerchaka, Krasnoyarsk, 660079, Russian Federation

For citation: Drobishevskiy, Sergei A., Gabov, Alexander A. 2019. "On the meaning of centre and periphery in political and legal centralization and decentralization in society". *Vestnik of Saint Petersburg University. Law 3*: 408–427. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2019.301> (In Russian)

This paper considers a society as a whole people's life within the space where a certain sovereign power functions — i.e., within a social organism, which substantially supplies the system of needs of the persons present in it. For example, a society is the totality of human activity processes within the state borders of the modern Russian Federation. All human activity processes within the borders of the kapauku chieftainship of Papuans in New Guinea, which includes several villages, is a society too. The paper demonstrates that giving the definition of political and legal centralization and decentralization in society is impossible without providing definitions of centre and periphery. It is explained by the fact that the mentioned processes are the transfer of political powers to the centre from the periphery and vice versa. These powers are included in the terms of reference or competence of the state apparatus in a state-organized society or in the terms of reference or competence of the system of governing bodies of a pre-state politically organized society as a whole. On the basis of analysis and critiques of the existing ideas within its topic, the paper concludes that for the discussed processes the centre is either a system of governing organs of this society as a whole or several or even one of these organs. The periphery is either the rest of the governing organs of the society as a whole or this whole society excluding the above-mentioned system. The usage of such definitions of centre and periphery for political and legal centralization and decentralization in society is a desirable condition to achieve effectiveness of these processes. The usage of other definitions of centre and periphery leads to the deformation of the true understanding of the mentioned processes in society. As a result, it becomes difficult to achieve effectiveness of governing.

Keywords: political centralization, political decentralization, legal centralization, legal governing bodies, politically organized society.

References

- Aver'yanov, Iu. I. (ed.). 1993. *Politicalology: encyclopaedic dictionary*. Moscow, Mosk. kommerch. un-t Publ.
- Agarkov, Mikhail M. 1992. "Private law value". *Pravovedenie* 1: 25–41. (In Russian)
- Almond, Gabriel. 1960. "Introduction: a Functional Approach to Comparative Politics". *The Politics of the Developing Areas*. Ed. by G. A. Almond, J. S. Coleman. Princeton, New York, Princeton U.P.
- Atabekian, Aleksandr M. 1922. *Law Decentralization*. Accessed 7 September 2018. <https://ru.theanarchistlibrary.org/library/atabekyan-aleksandr-moiseevich-decentralizaciya-prava>. (In Russian)
- Basova, Tat'iana B. 2012. "Corruption Counteraction in Focus of Administrative Reform of Russia". *Kriminologicheskii zhurnal* 4: 6–12. (In Russian)
- Chernyshov, Aleksei G. 1999. *The Region as Political Subject*. Saratov. (In Russian)
- Chistiakov, O. I. (ed.). 1987. *Russian Legislation of the X–XX Centuries. Vol. 5: The Legislation of the Heyday of Absolutism*, ed. E. I. Indova. Moscow, Iuridicheskaya literatura Publ. (In Russian)
- Easton, David. 1979. *A Framework for Political Analysis*. Chicago, The University of Chicago Press.
- Easton, David. 1966. "Categories for the Systems Analysis of Politics". *Varieties of Political Theory*, ed. by D. Easton. Englewood Cliffs, N. J., Prentice-Hall.
- Ellinek, Georg. 1908. *General Doctrine of the State*. St. Petersburg, N. K. Martynov Publ. (In Russian)

- Glazunova, Natal'ia I., Iuliia M. Zabrodina, Aleksandra G. Porshneva. 1997. *State and Municipal Management: a Handbook*. Moscow, Magistr Publ. (In Russian)
- Goncharov, Dmitrii V. 2012. "The Structure of Russian Territory Policy". *Polis. Politicheskie issledovaniia* 3: 63–74. (In Russian)
- Gordeeva, Milena. 2008. *The Capital of the Federal State in the System of Relations "Center — Regions": the Political Analysis of the Foreign and Russian Experience*. PhD diss., Moscow State University. (In Russian)
- Gregg, Benjamin. 2003. "The Law and Courts of Enlightened Localism". *Polity*, Vol. 35, Issue 2: 283–309.
- Grishina, Iana S. 2013. "The Legal Model of Relations Associated with Satisfaction of Social and Property Needs as a System of Interaction between the Means of Private and Public Legal Support". *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, Vol. 155, Part. 4: 120–126. (In Russian)
- Gritsai, Ol'ga V., Grigorii A. Ioffe, Andrei I. Treivish. 1991. *Center and Periphery in Regional Development*. Moscow, Nauka Publ. (In Russian)
- Hoebel, Adamson E. 1954. *The Law of Primitive Man. A Study in Comparative Legal Dynamics*. Cambridge, Mass., Harvard University Press.
- Johnson, Noel D., Mark Koyama. 2013. "Legal Centralization and the Birth of the Secular State". *Journal of Comparative Economics* 41: 959–978.
- Kelsen, Hans. 1970. *The Pure Theory of Law*. Berkeley, Los Angeles etc., University of California Press.
- Klochkov, Viktor V. 2013. "Royal Prerogative in England From its Inception to the Beginning of the 17th Century". *Izvestiia IuFU. Tekhnicheskie nauki. Razdel III. Iuridicheskie tekhnologii* 6 (143): 201–207. (In Russian)
- Kosolapov, Nikolai A. 1994. *Political and Psychological Analysis of Socio-territorial Systems. Basic Theories and Methodologies (on the Example of Russia)*. Moscow, Aspect Press. (In Russian)
- Krashenninnikova, Nina A., Oleg A. Zhidkov (ed.). 2007. *History of State and Law of Foreign Countries. Vol. 2*. Moscow, Norma Publ. (In Russian)
- Kuznetsov, Viktor. 1987. "Great Mutation" and Western Europe. *World Economy and International Relations*. *TsK KPSS Pravda* 1: 97–101. (In Russian)
- Leksin, Vladimir N., Aleksandr N. Shvetsov. 2000. *State and Regions. Theory and Practice of the State Regulation of Territorial Development*. Moscow, URSS Publ. (In Russian)
- Lukic, Ivan, Branka Martic, Davor Vlaovic. 2014. "Role and Responsibilities of Local Management for Governing and Disposal of Funds for Financing of Decentralized Functions". *Interdisciplinary Management Research*. X: 531–543.
- Liapin, Igor' F. 2015. "Constitutional Features of State Power Decentralization in the Russian Federation". *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Pravo* 1: 152–155. (In Russian)
- Makhina, Svetlana N. 2006. "The Essence and System Characteristics of the Political and Legal Category 'Decentralization' in a Modern Democratic State". *Gosudarstvo i pravo* 7: 21–30. (In Russian)
- Marchenko, Georgii V. 1996. *Regional problems of the Formation of the New Russian Statehood*. Moscow, Russian Scientific Fund. (In Russian)
- Maretina, Svetlana A. 1995. "To the Problem of the Universality of the Chiefdoms: the Nature of the Leaders of the Naga (India)". *Early Forms of Political Organization: from Primitive to Statehood*, V. A. Popova ed., 79–103. Moscow, Vostochnaia literature Publ. (In Russian)
- Mashtakov, Konstantin M. 2013. "On the Development Trend of the Use of Contractual (Private Law) Structures in Tax (Public) Law". *Iuridicheskaia nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii* 21: 134–136. (In Russian)
- Napalkova, Irina, Aleksandr Chekushkin. 2012. "Strategies and Projects for the Modernization of Public Administration 'National Periphery' in Russian Empire". *Federalizm* 2: 118–125. (In Russian)
- Pokrovskii, Iosif A. 2001. *The Main Problems of Civil Law*. Moscow, Statut Publ. (In Russian)
- Pospisil, Leopold J. 1971. *Anthropology of Law. A Comparative Theory*. New York, Harper and Row.
- Pushkarev, Sergei. 1985. *Self-government and Freedom in Russia*. Frankfurt-on-Main, Posev Publ. (In Russian)
- Ratsel, Friedrich. 1903. "The Laws of Territory Growth of States". *Narodology. Vol. 1*. Moscow. (In Russian)
- Rudenko, Arina. 2008. *The System "Center — Periphery" of the Region (on the Example of the Republic of Tatarstan)*. PhD diss., Kazan State University. (In Russian)

- Savin, Vladimir I. 2007. *Decentralization and New Centralization of Russian Federalism in the Late Twentieth and Early Twenty-first Centuries (Constitutional and Legal Experience of Development)*. Moscow, RUDN Publ. (In Russian)
- Semigin, G. Iu. (ed.). 1999. *Political Encyclopedia. Vol. 2*. Moscow, Mysl' Publ. (In Russian)
- Shilz, Edvard. 1972. "Society and Societies: Macrosociological Approach". *American Sociology. Perspectives, Problems, Methods*, G. V. Osipov ed., 341–359. Moscow, Progress Publ. (In Russian)
- Syrykh, Vladimir M. 2000. *History of State and Law of Russia. Soviet and Modern Periods*. Moscow, Iurist Publ. (In Russian)
- Tikhomirov, Iurii A. 2017. "State and Legal Regulation: the Grounds and Limits". *Zhurnal rossiiskogo prava* 9: 5–16. (In Russian)
- Tokvil, Aleksis. 1992. *The Democracy in America*. Russ. ed. Moscow, Progress Publ. (In Russian)
- Trofimova, Irina N. 2011. "Decentralization of Public Administration and Features of Center-local Relations in European Countries". *Sravnitel'naia politika* 4: 35–44. (In Russian)
- Turovskii, Ruslan F. 2007. *Center and Regions: Problems of Political Relations*. Moscow, High School of Economics Publ. (In Russian)
- Udalov, Vladimir. 2012. *Center-Peripheral Interaction in the Process of Modernization of the Russian State Construction*. PhD diss., Nizhni Novgorod State University. (In Russian)
- Williams, Alan. 1992. "Contracts, Compacts and Common Law: Some Problems with New Right Theories of Human Resource Management". *The International Journal of Human Resource Management*, Vol. 3, Issue 1: 125–137.
- Zamiatina, Nadezhda Iu. 2000. The Relationship between the Concepts of "Center" and "Region" in the Mental-geographical Space: the Formulation of the Problem. *Rossiiskie regiony i tsentr: vzaimodeistvie v ekonomicheskom prostranstve: sbornik nauchnykh trudov*. Moscow, IG RAN Publ. (In Russian)

Received: October 4, 2018

Accepted: May 17, 2019

Author's information:

Sergei A. Drobishevskiy — Dr. Sci., professor; ktigp@yandex.ru

Alexander A. Gabov — Senior Lecturer; agabov@sfu-kras.ru